

Медицина изнутри

КНИГИ О ТЕХ, КОМУ
ДОВЕРЯЮТ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ

В Шоке

РАНА АВДИШ, ВРАЧ-РЕАНИМАТОЛОГ

Мое путешествие
от врача
к умирающему
пациенту

БОМБОРА™

Москва 2020

СОДЕРЖАНИЕ

	Вступление. Возможность умереть	9
1	Обескровленная	24
2	Пустота	54
3	В ожидании неудачи	93
4	Отдельные слова	118
5	Ни шагу назад	142
6	Смена установок	180
7	Неустойчивые образования	211
8	Цензоры света	242
9	Наперекор системе	265
10	Победа	293
11	Рецидив	308
12	Разбитые сосуды	347
	Благодарности	376

ВСТУПЛЕНИЕ. ВОЗМОЖНОСТЬ УМЕРЕТЬ

Медицина порой бывает волшебной призмой, через которую рассматривается тело человека. Имея на входе беспорядочный набор симптомов, на выходе мы получаем четкий диагноз. Врач при осмотре мальчика с жаром обнаруживает, что его язык распух и покраснел, став похожим на клубнику, и тут же принимает решение провести обследование сердца, что в итоге подтверждает предполагаемый им диагноз — васкулит. Жгучая боль в животе у взрослого мужчины на деле оказывается гастритом, у которого есть свои причины и способ лечения, в то время как у неспецифических болей нет ни того ни другого.

Медицина проделывает этот трюк за счет вопросов и ответов — врач внимательно слушает пациента, пытаясь понять, что к чему. Если эмпатия — это способность поставить себя на место другого человека, сопереживать ему, то практическая медицина — это целенаправленная научная форма эмпатии.

**Имея на входе беспорядочный набор симптомов,
на выходе мы получаем четкий диагноз.**

Чтобы по-настоящему заботиться о пациенте, необходимо преодолевать мнимые рамки и уметь понимать, как все воспринимает другой человек. Эти спо-

собности обладают чудодейственным целительным даром.

Впервые я увидела мир вокруг через призму медицины, когда мне было пять лет и я услышала, как мама дает педиатру по телефону кажущееся весьма расплывчатым описание симптомов. Мой брат наклонился вниз в своей кровати, опершись на руки, у него текла слюна, и он, казалось, заглатывал воздух, а не просто дышал. Врач сразу же понял, что это эпиглоттит¹ — воспаление дыхательных путей, зачастую приводящее к летальному исходу. Спокойным, но весьма решительным голосом он сказал маме немедленно доставить ребенка в отделение неотложной помощи, где он будет их ждать. Это умение преобразовывать симптомы в диагноз и способ лечения показалось мне самой прекрасной должностной обязанностью, которую я только могла себе представить.

Поступив в мединститут, я словно оказалась в каком-то секретном сообществе со своим собственным языком, униформой и социальными нормами. Мы учились расшифровывать генетический код и последовательности генов, вырабатывающих протеины, из которых строятся внутренние органы. Нам были выделены трупы, чтобы мы могли разрезать их на кусочки и изучать, в том числе и запоминать названия на латинском или древнегреческом.

Целый год мы провели, погружившись в божественное величие человеческого тела, и все для того, чтобы на второй год начать учиться распознавать различные патологии. Наши преподаватели

¹ Воспаление хряща-надгортанника, закрывающего вход в дыхательные пути при глотании.

говорили о присущем болезням коварстве. О паразитах, которые эксплуатируют своего носителя, незначительных генетических изменениях, приводящих к патологиям сердца, а также бесконечно делящихся раковых клетках. Нам объясняли, что, изучая процесс развития болезни, можно найти от нее лекарство. Эти знания опьяняли. Я занималась по предложенной учебной программе, убежденная, что в итоге со мной произойдет чудесное преобразование и я смогу лечить других.

Умение преобразовывать симптомы в диагноз и способ лечения показалось мне самой прекрасной должностной обязанностью, которую я только могла себе представить.

Я и не догадывалась, какими окольными путями в итоге пойдет мое обучение. Последовавшие резидентура и специализация оказались не более чем удобной ложью, которую мое тело в конечном счете отвергло. В душе я каким-то удивительным образом понимала, что, несмотря на пройденное обучение, несмотря на окружающие меня во всех своих проявлениях болезни, мне все еще предстояло познать, каково это — болеть. И я столкнулась с болезнью — тяжелой, с последующей длительной реабилитацией, — которая разобрала меня по кусочкам, а потом снова собрала, только в совершенно другого человека... Настолько, что я уже сомневалась, осталось ли хоть что-то от меня прежней.

Желание излечиться прельщает; оно завораживает и пленяет. Но все же тяжелые и неизлечимые не-

дуги, несмотря на их способность кардинально преобразовывать человека, конечно, никоим образом не почитаются за благо. Любая болезнь воспринимается лишь как отклонение. Это город, через который мы проезжаем по дороге домой, в котором не собираемся останавливаться, чтобы лучше его узнать. Мы едем мимо, стиснув зубы, слово пробираемся через бурю, даже не оглядываясь на всю прелесть и красоту бьющих вокруг молний.

Мне понадобились годы в роли пациента, чтобы понять, что знания, каким бы целебным потенциалом они ни обладали, также таят в себе и огромную ложь.

Тяжелые моменты, разрушающие изнутри наше тело, позволяют нам также получить доступ к знаниям, которые обычно спрятаны и открываются лишь в самые темные времена.

Оказавшись в кровати отделения интенсивной терапии, я смогла почувствовать ту черную дыру, что зияет в самом центре суматохи, во всем остальном представляющей собой крайне умелый и чрезвычайно квалифицированный медицинский уход. Поначалу эта дыра была вне моего поля зрения. Лишь временами я как будто ловила ее своим взглядом, однако она стремительно уходила из фокуса. Мне пришлось тренироваться «видеть» ее, словно выискивая где-то на фоне. Мне понадобились годы в роли пациента, чтобы понять, что знания, каким бы целебным потенциалом они ни обладали, также таят в себе и огромную ложь.

Медицина не может лечить в вакууме — нужна какая-то привязка.

Оказавшись в роли пациента, я была поражена тому, насколько шатко на самом деле все, что я считала таким непоколебимым. Я почувствовала на себе эту незащищенность, когда никто вокруг не готов идти на контакт, чтобы обсудить твоё ужасное положение. Нам всем хочется, чтобы нас замечали, чтобы нас слушали, чтобы нам сопереживали. Чтобы происходящим в нашей жизни событиям был дан какой-то смысл, сформулированный нам в таком виде, чтобы мы могли его понять и привязать к нашему пониманию того, кем, как нам кажется, мы являемся. Эта потребность становится особенно острой, когда мы боеем. Когда наши органы и конечности исправно работают, мы верим в свои силы и способны рассчитывать на себя. Мы чувствуем, что сами строим свою жизнь. Когда же мы нездоровы, то оказываемся подавлены нашей зависимостью от других людей, потерей контроля над происходящим, а также неопределенностью исхода. Эти изменения открывают способы коммуникации, которые мы запрограммированы не воспринимать, когда жизнь идет своим нормальным чередом и мы погружены в монотонную рутину.

Когда же мы нездоровы, то оказываемся подавлены нашей зависимостью от других людей, потерей контроля над происходящим, а также неопределенностью исхода.

Чтобы эффективно лечить, нужно уметь распознавать эти каналы и всячески стимулировать взаимодействие с помощью их. Чтобы добровольно стать непосред-

ственным участником чужих страданий, нужна огромная смелость и решительность, потому что со временем становится тяжело, а порой и вовсе невыносимо. Приходится с самого начала принять решение, что будешь рядом до конца. Может показаться, что подобного рода преднамеренность идет вразрез с воображаемым нами сопереживанием, не требующим никаких усилий, однако достаточно напомнить себе, что любовь в любом виде требует усердия.

Неужели нас во время обучения научили избегать этих каналов? Знали ли мы, что делать в случае их обнаружения?

Я работала в большой городской больнице в самом центре крупного и полного контрастов города. К нам отправляли людей — на «Скорой» или на вертолете, — которым в других местах уже ничем не могли помочь. Чтобы ухаживать за этими особыми пациентами в крайне тяжелом состоянии, требовались клинический опыт, решительность и навыки командной работы, значительно превосходящие те, с которыми я сталкивалась в других больницах во время обучения и стажировки. Мне выпала огромная честь работать в этом потрясающем учреждении. Чувство общей цели и гордость за хорошо проделанную сложную работу внесли свой вклад в мое решение остаться здесь после окончания специализации.

Тяжелые ситуации, когда мы давали очевидный промах, почти всегда можно понять и рационально объяснить. Медицинский уход — невероятно сложная штука. Ошибки неизбежно случаются, причем даже в самых лучших больницах. Главным нашим отличием, как мне кажется, является наше открытое желание признать, что мы учимся в процессе. Такая направ-

ленность позволяет открыто изучить каждую промашку, будь то недостаточно эффективное взаимодействие либо неправильно подобранное лекарство или его дозировка. Признать ошибку, определить, в какой момент все пошло не так, и разобраться. Возможно, мы потому учимся так спокойно переносить любые неудачи, что прекрасно понимаем: когда все системы организма пытаются делать свою удивительную работу, то неминуемо случаются сбои.

Мы никогда не позволяем неудаче поставить точку. Она всегда становится началом новой главы, в которой все чуточку лучше. Так мы и лечим.

**Медицинский уход — невероятно сложная штука.
Ошибки неизбежно случаются.**

Недавно я была во время обхода в той же самой палате интенсивной терапии, где мне однажды довелось пребывать в роли пациента в критическом состоянии. Теперь же я была среди присутствовавших врачей старшей и слушала, как группа резидентов по очереди представляет критически больных пациентов. Женщина, которую мы обсуждали, стояла в очереди на пересадку легких и уже который месяц лежала в ожидании в этой самой палате. Впервые я познакомилась с ней несколько лет назад, когда ее перевели к нам в больницу для обследования недостаточности сердечного клапана.

Когда резидент закончил описание случая, медсестра интенсивной терапии дополнительно отчиталась о том, что произошло за ночь. Ей уже многократно приходилось ухаживать за этой пациенткой,